

УДК 821.521 (Литература на отдельных языках. Японская литература)

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ МОТИВЫ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО В ТВОРЧЕСТВЕ Х. МУРАКАМИ

© 2021 А.А. Репина, Э.А. Радаева

*Репина Анна Андреевна, студент направления бакалавриат
филологического факультета.*

E-mail: repina.anna@sgspru.ru

Радаева Элла Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской, зарубежной литературы и методики преподавания литературы.

E-mail: ellrad@yandex.ru

Самарский государственный социально-педагогический университет.
Самара, Россия

Статья поступила в редакцию 01.03.2021

В настоящей статье авторы находят продуктивным исследовать взаимосвязь русской и зарубежной литературы сквозь призму философии экзистенциализма, достаточно популярной и на сегодняшний день.

Методология исследования: филологический анализ художественных текстов (проблемный подход), сравнительный анализ с элементами компаративистики. Авторы приходят к *выводу* о том, что Мураками погружает своих героев в такие ситуации, где возможно все изменить, но такое положение требует однозначных решений и незамедлительных действий, однако герои, по большей мере, бесконечно одинокие, меланхоличные люди, которые сами себе становятся препятствием для принятия любых решений. Они беспощадны к себе, упрямы до степени абсурда и всегда сами себя истязают изнутри. У каждого героя в сознании есть свой дремучий «норвежский лес», но не каждый находит в себе силы и стойкость выбраться из него в настоящий и шумный японский мегаполис, продолжить свою жизнь, не заблудившись в лабиринте собственного сознания, и найти главный смысл своего существования. Так, экзистенциальные мотивы Ф.М. Достоевского обретают новое звучание в прозе японского автора, которому не удалось, вопреки его западной ориентированности, избежать наложения на его художественное миромоделирование собственно национальной ментальности.

Ключевые слова: экзистенциализм, Ф.М. Достоевский, Харуки Мураками.

DOI: 10.37313/2413-9645-2021-23-77-91-97

Введение. В XX веке экзистенциализм стремительно развивался в искусстве: его можно найти в произведениях литературы, живописи, драматургии и в кинематографе. Течение находит последователей, поскольку делает своим предметом внутренний мир личности, ставит в центр одного человека в пограничной ситуации и исследует его состояние. Экзистенциалистские мотивы присутствуют у многих творческих деятелей, зачастую не осознающих этого и не причисляющих себя к числу сторонников экзистенциалистского учения. Они рассматривают те человеческие страдания, которые представляются атрибутами существования, независимо от социального положения и времени существования.

Экзистенциализм обретает свой облик в начале XX века в европейских странах и в течение нескольких десятилетий захватывает внимание философов других стран. Со своего основания экзистенциализм находит большой отклик в литературном творчестве, драматургии, живописи, позже и в кинематографе – во всех видах и

жанрах искусства есть отголоски этого течения. Экзистенциализм со своими вечными вопросами, «пограничными ситуациями» и стремлением к абсолютной свободе через выбор своего пути и поиском настоящего «Я» очень актуален как для классических произведений, так и для современных. Поэтому интерес представляет проблема творческой реализации экзистенциального опыта у писателей разных народов и разных времен.

Главная отличительная черта философии экзистенциализма: в основе находится не сущность, а именно существование, а потом существование создает себе сущность. По Ж.-П. Сартру, человек потому не поддается определению, что первоначально ничего собой не представляет. Человеком он становится лишь впоследствии, причём таким человеком, каким он сделает себя сам [15, с. 16]. Отсюда можно выразить первый принцип экзистенциализма: человек существует так, как себя представляет и каким хочет быть. А ввиду того, что он начинает себя представлять

уже после того, как начал существовать, то он является тем, что сам из себя делает. Экзистенциализм противостоит той распространённой светской морали, которая желает избавиться от Бога с минимальными издержками. Однако для того, чтобы существовала мораль, общество, мир культуры, необходимо, чтобы некоторые ценности принимались всерьёз и считались существующими *a priori* [15, с. 30].

В момент, когда необходимо принять решение, влияющее на будущее, человеку не на кого переложить ответственность за свои решения и завтрашний день, такая полная свобода может пьянить его и сбить с толку. С точки зрения Альбера Камю и других атеистических экзистенциалистов, это значит, что человек растерян, теряет над собой власть и переживает экзистенциальный кризис. В истории всей мировой культуры тема человеческих страданий, внутренней боли, трагедии бытия людей, поиска смысла жизни и смерти, занимала значительное место и ощущалась во всех видах творчества и искусства. Экзистенциализм ставит в центр обычного человека в момент «кризиса», детально рассматривает отрицательные эмоции, боль и отчаяние – все то, что является вечными атрибутами существования как отдельно взятого человека, так и целых поколений.

История вопроса. Известно, что многие экзистенциалисты считали Ф.М. Достоевского своим учителем [15], [16]. Таковым считают его и многие современные писатели, в том числе зарубежные, творчество которых можно, на наш взгляд, рассматривать сквозь призму вышеуказанной философии. Однако в отечественном и зарубежном литературоведении не находим работ, которые бы, во-первых, ставили проблему экзистенциального мировидения применительно к творчеству современного японского писателя Харуки Мураками, который неоднократно заявлял, что Ф.М. Достоевский является его кумиром в литературе по сей день. Авторам данной работы видится весьма продуктивным исследовать этот аспект в контексте русско-зарубежных литературных связей, в контексте проблемы традиций и новаторства в современном литературном процессе.

Ф.М. Достоевский и экзистенциализм. Русский писатель, философ и публицист Ф.М. Достоевский не раз поднимал в своих произведениях вечные вопросы о смысле жизни в тесной связи с повседневной обыденной жизнью простого русского человека. Он находил в русских людях отклик западноевропейских взглядов экзистенциализма и умело примерял эти состояния на своих героях или он сам стал «родителем»

философии, ставшая настоящим прорывом и изменившая содержание творчества многих деятелей искусства?

Принимая во внимание жизнь и судьбу Ф.М. Достоевского, можно сказать, что четырехлетняя каторга в Сибири произвела на писателя неизгладимое впечатление. Он переживал огромные потрясения, его мучили каждодневные страдания и одиночество. Все эти чувства он смог отразить в своих романах, которые в последствии называли «великим Пятикнижием» - «Преступление и наказание», «Бесы», «Идиот», «Подросток, и «Братья Карамазовы». Эти произведения Ф. Достоевский строит на разгадке личности: Ставрогин в «Бесах», Раскольников в «Преступлении и наказании», князь Мышкин в «Идиоте» и Иван в «Братьях Карамазовых».

Знаменательно, что слова, послужившие отправной точкой всей философии экзистенциализма, звучат в произведении «Братья Карамазовы» и принадлежат Ивану. Вседозволенность Карамазова - «исходный пункт экзистенциализма» - пишет Ж. Сартр.

А. Камю полагает, что Иван реализует абсурдную истину «всё позволено», имея в виду даже не прямое убийство Федра Карамазова. Иван материализует свой замысел через давление на сознание своего незаконнорожденного брата Смердякова, который, в силу своей необразованности, толкует слова Ивана как прямой призыв к действию и непосредственно своими руками совершает убийство старика.

Какая же сила заставляет Ивана покаяться в преступлении? В данном случае это явно не трусость, поскольку он человек слишком гордый, чтобы попасть под влияние такого низкого и неблагородного чувства. Совесть – «живой бог», и она как внутренний двигатель: не допускает того, чтобы человек сдался в руки Дьяволу. Совесть внутри Ивана побуждает его признать вину в преступлении. Но в данной ситуации доказать что-либо невозможно, потому что единственный свидетель вины Ивана – Смердяков - не выдержал совершенного греха и покончил жизнь самоубийством накануне суда. «Тут дьявол с богом борется, а поле битвы – сердца людей» - эти строки об Иване, который в конце романа испытывает противоречивые чувства: с одной стороны, он ненавидит дьявола, который терзает его душу, приходя тому в кошмарах, болезненном бреде и заставляя признаться в убийстве, с другой стороны, его мучает гордыня, не допускающая принять существование бога и принять служение ему.

Герой Ф. Достоевского, который смог воплотить в жизнь теорию вседозволенности, - это,

без сомнения, Родион Раскольников в романе «Преступление и наказание». В начале романа он живет по всем принципам экзистенциализма. Самое сильное свое потрясение он испытал, когда увидел смерть лошади, жестокое убийство животного человеком, который безжалостно способен уничтожить живое создание, неспособное противостоять ему по силе. Это похоже на «озарение экзистенции» в системе философии экзистенциализма. Чувства овладевают мальчиком, он не может осмыслить увиденное, а может только сильно страдать и ощущать «ненасытное сострадание», оседающее в душе и толкающее его к бунту против несправедливости людей [10, с. 54].

Последующий жизненный опыт откладывает у Родиона как несправедливое существование: нищета и бедность, жизнь униженных и оскорбленных, работа и подчинение сестры на власть имущих, все несчастия и беды семьи Мармеладовых, условия существования в «тупике».

Раскольников пытается осмыслить свои границы дозволенности ради выхода из трудного положения, а не ради поисков личного пути, как экзистенциальный человек. Разум и сильнейшее сострадание подсказывают ему путь (единственный на его взгляд) преодоления ситуации – жестокий путь кровопролития, бунта и свержения моральных норм. Он загорается идеей проверить способности для того, чтобы такие люди, как Лужин, больше не делали гадостей в этом мире, а Катерина Ивановна больше не была обречена на страдание и смерть в нищете. Подняв бунт против бога, моральных устоев и ориентиров, Раскольников открывает себе дорогу в ад, переживает страшную борьбу внутри себя: «бог живой» восстаёт против теории, поработившей «подлый» ум. Все своей сущностью принимает за слабость быть ниже Бога, но все же еще не потерял в него веру окончательно. В действительности оказывается, что в этой слабости и есть путь его спасения и исцеления. По мысли Ф. Достоевского, это путь обретения истиной и настоящей веры, способной помогать воспринимать себя в мире целостно, предотвращая трагический разрыв между настоящим «Я» и ложным, она помогает сознанию сконцентрироваться на некоей «идее-чувстве», за которое человек способен пожертвовать самой жизнью.

Пройдя через преступление («убийство» Бога внутри себя, грехопадение), наказание (внутреннюю борьбу-болезнь, отдаление), покаяние (признание в совершенном убийстве), Раскольников встает на путь к Богу не через абсурд (прыжок, не продиктованный разумом, необъяснимый), а осознано - обретает в душе любовь и находит силы побороть внутренний бунт, через разумное сострадание и веру в бога.

А. Камю отмечает в герое экзистенциалистскую озабоченность в поиске смысла среди несправедливостей и жестокостей. Он так же, как и герои других романов, стоит на пороге выбора между добром и злом. Им движет острая необходимость сделать личный выбор, однозначный и решительный. Рациональное знание, по Ф. Достоевскому, не способно принести человеку счастье и может лишить его внутренней свободы и равновесия. Рационализм способен толкнуть человека на противоестественные поступки, даже если они преследуют благие цели. Здесь и кроется главное отличие его мировоззрения от философии экзистенциализма: в произведениях Достоевского героями движет желание помочь окружающим, найти справедливость для счастья других, а не достижение внутреннего комфорта или поиски себя настоящего.

Нравственный путь Алексея Карамазова, впоследствии - Родиона Раскольникова, Сони Мармеладовой и других героев состоит в том, чтобы преодолеть внутренние противоборства, разрешить свои душевные вопросы и метания, в конечном итоге, встать на путь человека, который находит свое настоящее счастье в уничтожении своего «Я», в признании себя ниже и слабее Бога. По мнению Ф. Достоевского, путь вседозволенности неминуемо ведет человека к преступлениям, юридическим и нравственным. Свои слова он подтверждает судьбами Ивана Карамазова, Павла Смердякова и трагическим существованием Раскольникова до раскаяния в преступлении. Кроме того, на примере таких героев, как Парфен Рогожин, Петр Лужин и Петр Верховенский писатель показывает, что убийство Бога внутри себя ведет к страшным последствиям как для самих героев, так и для окружающих.

Ф.М. Достоевский своим творчеством наглядно показывает, что любая, пусть и самая оригинальная и гуманная человеческая теория при столкновении с настоящим разбивается о реальность жизни или превращается в собственную противоположность и, в конечном счете, приносит не пользу, а моральное разрушение и нравственное опустошение. Люди должны противостоять злу добром, а не злом. Самое главное оружие человека против зла – добрые дела. «...Не бойтесь жизни! – учит Алеша мальчиков. – Как хороша жизнь, когда что-нибудь сделаешь хорошее и правдивое». Первым делом нужно уничтожить зло в своем сердце, а потом в любой ситуации вставать на сторону добра и света, принимать позицию настоящего человека в большом и несправедливом мире.

Итак, возвращаясь к вопросу о том, правильно ли считать Ф. Достоевского одним из создателей экзистенциализма или он все же просто мастерски использовал европейские философские

учения в своем творчестве, можно сказать, что мыслитель, в главной мере, был христианином и верил в спасение души через Бога, и в его планах не было цели создавать целое философское учение, чтобы доказывать значимость Бога для человека, однако, западноевропейские философы по-своему интерпретировали его творчество и сумели, основываясь на его трудах, построить экзистенциальную модель человека. Рассматривая его роль в создании философии, все же находим весьма сомнительным считать писателя предтечей экзистенциализма.

Ф.М. Достоевский конструирует свою поэтику из замысловатых и манипулятивных психологических ходов в языке, досконально исследует самые темные уголки человеческой души, поражается людской низости, подлости и грязи. На своем личном опыте он глубоко понимал пути безумия, душевной болезни и профессионально мог предвидеть, в каких ситуациях и какими путями человек может сойти с ума.

«В настоящее время роман Достоевского является, может быть, самым влиятельным образцом не только в России, где под его влиянием в большей или меньшей степени находится вся новая проза, но и на Западе. За ним, как за художником, следуют люди с различнейшими идеологиями, часто глубоко враждебными идеологии самого Достоевского: поработает его художественная воля» - читаем у М.М. Бахтина [3, с. 47].

Ф.М. Достоевский и Х. Мураками. Что касается современной литературы, мы можем наблюдать новый виток популярности экзистенциализма, влияние его философии на творчество ультрапопулярных современных авторов, и весьма продуктивным представляется рассматривать сквозь призму экзистенциализма взаимосвязь русской и зарубежной культуры, старого и нового. Так, традиции экзистенциализма находят свой отклик в творчестве современного японского писателя Х. Мураками, который с большим пиететом относился к Ф.М. Достоевскому. «*Конечная цель, которой я добиваюсь в романах, кроется в романе Достоевского «Братья Карамазовы»* - пишет Х. Мураками. В интервью он говорит: *"В подростковом возрасте я был сильно увлечен русской литературой, и, я думаю, это, несомненно, повлияло на мое творчество. "Войну и мир" я прочел три раза, "Братья Карамазовы" перечитывал четырежды - я и до сих пор считаю его идеальным романом. Достоевский и сейчас, причем еще в большей степени, для меня - кумир литературы..."*. Эти слова дают нам полное основание полагать, что Мураками осознанно пишет по примеру русского классика и в его

произведениях мы неоднократно встречаем отсылки к наследию русского романиста на уровне поэтики и проблематики.

Никто не может дать исчерпывающего ответа на вопрос, в каком жанре пишет Мураками. Фэнтези, антиутопия, психологический триллер, нон-фикшн, оккультный детектив, ненаучная фантастика, сюрреализм и многие другие жанры - все они в большей или меньшей степени соотносятся с поэтикой его прозы.

В этом измерении, на неуловимом взаимодействии культурных течений Востока и Запада импровизирует с судьбами своих героев Мураками. Сюжеты романов невозможно предсказать, опираясь на каноны одного определенного жанра. Сюжетные линии словно медленно плывут по течению, не сильно противясь внешним обстоятельствам, но в «пограничных ситуациях», в момент наивысшей точки напряжения, сохраняют «свой стиль игры».

Они неудобны для окружающих и непригодны для классической «приличной жизни». Они не признают дутых авторитетов и не очень-то заботятся о собственном будущем. Что бы с ними ни происходило, эти «странные люди» хотят оставаться людьми в самых нечеловеческих ситуациях - и в переносном, и в буквальном смысле слова. Оставаться живыми - пусть даже их поступков некому понять и оценить. А если придется - то и ценою собственной жизни [3, с. 84].

Выделим особенности стиля Х. Мураками: глубокий психоанализ, смешение реального мира с магическим (потусторонним). Сюда входят сновидения, параллельные миры, кошмары, воспоминания, фантазии, видения и другие пространственно-временные отрезки, экзистенциализм и «поиски времени», постмодернизм, музыкальные, литературные, философские, архитектурные и др. претексты, символизм, синестетические метафоры и образы, ретроспектива, кроме того он использует трансформацию древней мифологии и использует миф как сюжетобразующую основу для романа и множество других.

Приведённые выше особенности вызывают неоднозначную реакцию у японской литературной критики. Отказываясь от традиционных нарративных структур и отдавая предпочтение законам европейского романа, Харуки Мураками не только не признает сильного влияния японской классической литературы на свои произведения, но и не ставит себе целью утверждаться в национальных писательских кругах. Таким образом, он не признается «своим», поскольку в его понимании бытие японцем накладывает некоторые обязанности, сковывая творческую свободу,

а он предпочитает в романах приемы американской прозы XX века взамен уникальных наработок японской классики.

Например, в некоторых романах повествование ведет «боку» — фамильярное мужское местоимение (в отличие от гендерно нейтрального «ватаси»). Специальное подчеркивание мужского начала стилистически при слабости мужских персонажей Мураками — это, на наш взгляд, акцент на кризисе избытка трансцендентальных означающих, которые во множественном наложении друг на друга стирают смысл и границы их трансцендентального означаемого.

Произведения этого японского автора словно пропитаны болью и страданием, присутствие смерти ощущается на каждой странице, она словно такой же настоящий и существующий персонаж, как и все остальные — она ходит по пятам за каждым героем, настаивая на том, чтобы каждый сделал свой выбор: жить ему или нет. Огромное количество смертей и самоубийств объясняется не тем, что Мураками любит смерть и ужасы, а скорее тем, что это дань литературным традициям и в том числе — философии экзистенциализма — «смерти как части жизни».

В его романах присутствуют экзистенциалистские настроения; люди, которые тягостятся своим существованием в мире хаоса, и пытаются найти ответы на вечные вопросы бытия и времени. В момент, когда необходимо принять решение, влияющее на будущее, его героям не на кого переложить ответственность за свои решения и завтрашний день, такая полная свобода пьянит их и сбивает с толку. Любой герой романов — это один из вариантов ответа на вопрос о смысле и путях существования в этом мире.

Из произведений Х. Мураками, которые в большей мере написаны под влиянием философии экзистенциализма, выделим роман «Бесцветный Цкуру Тадзак и годы его странствий» [12], вышедший 12 апреля 2013 года, повествующий о человеке, который проживает очень тяжелые воспоминания в течение 20 лет. Пограничная ситуация у Цкуру Тадзак имела место в студенческие годы, когда четверо его лучших друзей, ничего не объяснив, прекращают с ним общение, оборвав все связи между ними. Молодой человек оказывается на грани жизни и смерти, испытывает экзистенциальный кризис и не способен вернуться к обычной жизни. Мураками детально описывает, как душа покидает тело Цкуру, смерть буквально чувствуется на каждой странице романа.

Кроме того, отличительной чертой романа являются «цветные» фамилии четырех друзей (парней звали Акамацу и Оуми, девчонок — Сиранэ и Куроно. И только фамилия Тадзак никакого отношения к цвету не имела). Дословные

значения иероглифов: Ака-мацу — «красная сосна», О-уми (или Ао-уми) — «синее море», Сиранэ — «белый корень», Куро-но — «черная пустошь» (яп.). Фамилию Та-дзак переводится как «скопление утесов» (яп.). А его имя Ц(у)куру — фонетический омоним глагола «делать, создавать, производить». Таким образом автор противопоставляет главного героя его друзьям — будто он «бесцветный», не имеет как-либо отличительной черты и представляет собой самого среднего человека в мире. Однако в ходе дальнейшего исследования мы приходим к выводу, что его образ самый глубокий, чувственный, насыщенный и многогранный, в отличие от остальных четырех героев, «цветные» фамилии которых никак их не характеризуют и не влияют на черты характера.

Этот роман, безусловно, вдохновлен идеями экзистенциализма: страдания, внутренняя все разрушающая боль и постоянные муки от собственных мыслей позволяют читателю проникнуться историей дружбы и пережить вместе с героем боль от утраты лучших друзей.

Также рассказ «Седьмой» [13], входящий в сборник «Призраки Лексингтона», написан в духе экзистенциальной философии. Главная проблема человека в срединном десятилетии двадцатого века — пустота (emptiness), по мысли Р. Мэя (Ролло Мэй (Rollo May 21.04.1909 — 22.10.1994), американский психолог, один из ведущих представителей экзистенциального направления гуманистической психологии).

Седьмой рассказчик повествует историю из далекого детства, когда он пережил пограничную ситуацию — воспоминание, как его друга смыло волной в открытое море. Психологическая травма навсегда осталась внутри повествователя, и кажется, что больше никогда он не сможет быть счастливым. Главная причина замкнутости — он сам, его страх, который парализует изнутри. Свою жизнь он обесценивает, каждый день просто существует и проживает те кошмарные события снова и снова. Рассказчик — *экзистенцирующая личность*, живущая в страхе и одиночестве. Спасение он нашел через 20 с лишним лет с помощью того, от чего пострадал — через волну. Он переосмыслил воспоминание о произошедшем и нашел в себе силы снова жить по-настоящему и радоваться этому миру.

Еще один роман Х. Мураками, который можно охарактеризовать как экзистенциальное произведение — «Норвежский лес» [11], написанный в 1987 году. Название романа «Норвежский лес» совсем неслучайно. Как было сказано выше, одна из ярких особенностей его творчества — синтез культур. Лейтмотивом через все повествование проходит мелодия известной группы «The Beatles — Norwegian Wood». «Once I had a girl, or should I

say, she once had me», что в переводе означает: «У меня была девушка, точнее сказать, это я был у девушки», и это накладывает определенный смысл на все произведение. Однако в оригинале название романа записано не на английском языке, а на японском: "Норувэй-но мори", поэтому название произведения стоит понимать аллегорически: как дремучий и темный лес, из которого трудно найти выход.

В романе писатель показывает взросление молодого человека, мы проживаем с ним его становление, осознание себя в мире, первые потрясения и взрослые трудности. Колоссальные изменения начинаются с самоубийства Кидзуки – лучшего друга Ватанабэ и возлюбленного Наоко. Никто так и не узнал о причинах и мотивах его суицида, но на двух его близких друзей его кончина парня в 17 лет повлияла самым сильным образом. Тема самоубийства не раз поднимается в произведениях Х. Мураками, но именно здесь она выражена наиболее ярко, поскольку самоубийство совершает совсем молодой человек, не осмелившийся хоть раз попросить помощи или эмоциональной поддержки у близких друзей в трудный момент. Спасение в другом человеке, неожиданно приходящее на помощь Ватанабэ во второй части романа, отчасти удовлетворяет читателей. В полное его спасение не верится, так как это, по сути дела, не спасение, а скорее бегство к другому человеку, временная

защита от собственных изнуряющих переживаний.

В «Норвежском лесу» присутствуют экзистенциалистские настроения – это в первую очередь люди, которые тягостятся своим существованием в мире хаоса и «пытаются найти ответы на вечные вопросы бытия и времени» [9, с. 13].

Вывод. Мураками погружает своих героев в такие ситуации, где возможно все изменить, но такое положение требует однозначных решений и незамедлительных действий, однако герои, по большей мере, бесконечно одинокие, меланхоличные люди, которые сами себе становятся препятствием для принятия любых решений. Они беспощадны к себе, упрямы до степени абсурда и всегда сами себя истязают изнутри. У каждого героя в сознании есть свой дремучий «норвежский лес», но не каждый находит в себе силы и стойкость выбраться из него в настоящий и шумный японский мегаполис, продолжить свою жизнь, не заблудившись в лабиринте собственного сознания, и найти главный смысл своего существования. Так, экзистенциальные мотивы Ф.М. Достоевского обретают новое звучание в прозе японского автора, которому не удалось, вопреки его западной ориентированности, избежать наложения на его художественное миромоделирование собственно национальной ментальности.

1. Достоевский, Ф. М. Братья Карамазовы: роман: в 4ч. с эпилогом. Ч.3-4. - М: Советская Россия, 1987. – 480 с.
2. Достоевский, Ф. М. Преступление и наказание: роман. – М.: АСТ, 2009. – 544 с.
3. Бахтин, М. М. Проблемы творчества Достоевского / Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т.2. – М., 1929; Статьи о Толстом, 1929. Записки курса лекций по истории русской литературы 1922-1927. – М.: Русские словари, 2000.
4. Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского. 3-е изд. – М.: Художественная литература, 1972. – 464 с.
5. Бердяев, Н. А. Самопознание. - М.: ДЭМ, 1990. – 336 с.
6. Григорьева, Т. П. Японская литература XX века. - М.: Художественная литература, 1983. - 302 с.
7. Достоевская, А. Г. Воспоминания. - М.: Правда, 1987. – 544 с.
8. Курахара, К. Статьи о современной японской литературе. - М.: Изд-во восточной литературы, 1959. - 212 с.
9. Коваленин, Дмитрий. Лучший способ потратить деньги, или Что делать в период острой джазовой недостаточности. Ниигата, Япония. Июнь - август 1998. – URL: https://vladivostok.com/speaking_in_tongues/murafore.htm (дата обращения: 18.02.2021).
10. Лотман, Ю. М. О русской литературе: Ст. и исслед. (1958-1993). -СПб.: Искусство-СПБ, 1997. – 845 с.
11. Мураками, Х. Норвежский лес. – М.: Эксмо, 2017. - 368 с.
12. Мураками, Х. Бесцветный Цкуру Тадзаки и годы его странствий. – М.: Эксмо, 2015. - 320 с.
13. Мураками, Х. Призраки Лексингтона. – М.: Эксмо, 2008г. - 144 с.
14. О Достоевском: Творчество Достоевского в русской мысли 1881-1931 гг. - М.: Книга, 1990. – 432 с.
15. Сартр, Жан Поль. Экзистенциализм - это гуманизм. – URL: https://scepis.net/library/id_545.html (дата обращения: 18.02.2021).
16. Современный экзистенциализм. Критические очерки. Редакционная коллегия Митрохин Л.Н., Мысливченко А.Г., Ойзерман Т.И. (руководитель авторского коллектива). – М.: Мысль, 1966. – 564 с.
17. Хайдеггер, Мартин. Письмо о гуманизме // Время и бытие. - М.,1993. – URL: http://www.bibikhin.ru/pismo_o_gumanizme (дата обращения: 18.02.2021).
18. Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер; Пер. с нем. В.В. Бибихина. — Харьков: «Фолио», 2003. – 503 с.

**EXISTENTIAL MOTIVES F.M. DOSTOEVSKY
IN THE WORK OF H. MURAKAMI**

© 2021 A.A. Repina, E.A. Radaeva

Anna A. Repina, student of the bachelor's degree in philological faculty.

E-mail: repina.anna@sgspu.ru

Ella A. Radaeva, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian and Foreign Literature and Methods of Teaching Literature.

E-mail: ellrad@yandex.ru

*Samara State Social and Pedagogical University.
Samara, Russia*

In this article, the authors find it productive to explore the relationship between Russian and foreign literature through the prism of the philosophy of existentialism, which is quite popular today. *Research methodology:* philological analysis of literary texts (problematic approach), comparative analysis with elements of comparative studies. The authors come to the *conclusion* that Murakami immerses his heroes in situations where it is possible to change everything, but such a situation requires unambiguous decisions and immediate action, but the heroes, for the most part, are endlessly lonely, melancholic people who become themselves an obstacle to making any decisions. They are merciless to themselves, stubborn to the point of absurdity and always torture themselves from within. Each hero has his own deep "Norwegian forest" in his mind, but not everyone finds the strength and resilience to get out of it into a real and noisy Japanese metropolis, continue his life without getting lost in the labyrinth of his own consciousness, and find the main meaning of his existence. Thus, the existential motives of F.M. Dostoevsky are acquiring a new sound in the prose of the Japanese author, who, despite his western orientation, did not succeed in avoiding the imposition of the national mentality proper on his artistic world-modeling.

Key words: existentialism, F.M. Dostoevsky, Haruki Murakami.

DOI: 10.37313/2413-9645-2021-23-77-91-97

1. Dostoyevskiy, F. M. Brat'ya Karamazovy (The Brothers Karamazov): roman: v 4ch. s epilogom. CH.3-4. - M.: Sovetskaya Rossiya, 1987. - 480 s.
2. Dostoyevskiy, F.M. Prestupleniye i nakazaniye (Crime and Punishment): roman. - M.: AST, 2009. - 544 s.
3. Bakhtin, M. M. Problemy tvorchestva Dostoyevskogo (Problems of Dostoevsky's creativity) / Bakhtin M.M. Sobraniye sochineniy. T.2. - M., 1929; Stat'i o Tolstom, 1929. Zapiski kursa lektsiy po istorii russkoy literatury 1922-1927. - M.: Russkiye slo-vari, 2000.
4. Bakhtin, M. M. Problemy poetiki Dostoyevskogo (Problems of Dostoevsky's poetic). 3-ye izd. - M.: Khudozhestvennaya literatura, 1972. - 464 s.
5. Berdyayev, N. A. Samopoznaniye (Self-knowledge). - M.: DEM, 1990. - 336 s.
6. Grigor'yeva, T. P. Yaponskaya literatura XX veka (Japanese literature of the XX century). - M.: Khudozhestvennaya literatura, 1983. - 302 s.
7. Dostoyevskaya, A. G. Vospominaniya (Memories). - M.: Pravda, 1987. - 544 s.
8. Kurakhara, K. Stat'i o sovremennoy yaponskoy literature (Articles about modern Japanese literature). - M.: Izd-vo vostochnoy literatury, 1959. - 212 s.
9. Kovalenin, Dmitriy. Luchshiy sposob potratit' den'gi, ili Chto delat' v period ostroy dzhazovoy nedosta-tochnosti (The Best Way to Spend Your Money, or What To Do In A Time Of Sharp Jazz Inadequacy). Niigata, Yaponiya. Iyun' - avgust 1998. - URL: https://vladivostok.com/speaking_in_tongues/murafore.htm (data obrashcheniya: 18.02.2021).
10. Lotman, YU. M. O russkoy literature (About Russian literature): St. i issled. (1958-1993). - SPb.: Iskusstvo-SPB, 1997. - 845 s.
11. Murakami, KH. Norvezhskiy les (Norwegian Forest). - M.: Eksmo, 2017. - 368 s.
12. Murakami, KH. Bestsvetnyy Tskuru Tadzaki i gody yego stranstviy (Colorless Tskuru Tazaki and the years of his wanderings). - M.: Eksmo, 2015. - 320 s.
13. Murakami, KH. Prizraki Leksingtona (The Ghosts of Lexington). - M.: Eksmo, 2008g. - 144 s.
14. O Dostoyevskom: Tvorchestvo Dostoyevskogo v russkoy mysli 1881-1931 gg (About Dostoevsky: The work of Dostoevsky in Russian thought 1881-1931). - M.: Kniga, 1990. - 432 s.
15. Sartr, Zhan Pol'. Ekzistentsializm - eto gumanizm (Existentialism is humanism). - URL: https://scepis.net/library/id_545.html (data obra-shcheniya: 18.02.2021).
16. Sovremennyy ekzistentsializm. Kriticheskiye ocherki (Modern existentialism. Critical Essays). Redaktsionnaya kolle-giya Mitrokhin L.N., Myslivchenko A.G., Ozyerman T.I. (rukovoditel' avtorskogo kolektiva). - M.: Mysl', 1966. - 564 s.
17. Khaydegger, Martin. Pis'mo o gumanizme (A letter about humanism) // Vremya i bytiye. - M., 1993. - URL: http://www.bibikhin.ru/pismo_o_gumanizme (data obrashcheniya: 18.02.2021).
18. Khaydegger, M. Bytiye i vremya (Being and time) / M. Khaydegger; Per. s nem. V.V. Bibikhina. - Khar'kov: «Folio», 2003. - 503 s.